

Только «ХИТЫ»

Пракаш Лунгани рассказывает об ученом-макроэкономисте из Гарвардского университета Роберте Барро

НЕМНОГИЕ научные статьи находят широкий отклик в академических кругах. Но только не статьи Роберта Барро. Когда недавно был составлен перечень 146 наиболее известных статей в области экономики за период с 1970 года, Барро оказался во главе этого «хит-парада», имея шесть «хитов» — по столько же имеет еще только два экономиста (Юджин Фама и Джозеф Стиглиц). Кто бы мог предсказать такой успех, когда в 1970 году вышла в свет первая публикация Барро «The Crystal Structure of a Dimeric Cobalt Compound Containing a Chloro Bridge» («Кристаллическая структура димерного соединения кобальта с хлорным мостиком»).

Как это произошло? «Вините во всем Ричарда Фейнмана», — говорит Барро, учившийся на физика в Калифорнийском технологическом институте. «У Фейнмана бы-

ло очень интересно учиться, но часто то, что он говорил, для меня оказывалось слишком сложным. Я понял, что не смогу стать выдающимся ученым в этой области». Вместо этого Барро обратился к экономике, вдохновленный возможностью применить свои «технично-математические знания для решения социальных проблем», а также примером своего старшего брата, выбравшего специальность экономиста.

В карьере Барро как макроэкономиста было еще два знаменательных события. Первое произошло в 1970-е годы, когда он отвернулся от кейнсианской макроэкономики, которую он изучал, будучи аспирантом Гарвардского университета, и стал одним из лидеров свергнувшей ее революции, начатой Чикагским университетом. Кейнс проповедовал идею о том, что государственная политика может сглаживать рост и падения доходов,

также известные как деловые циклы. В 1970-е годы ученые и разработчики политики пересмотрели свой взгляд на способность правительства это делать. Четыре из шести «хитов» Барро, наряду с написанным им учебником по макроэкономике, стали частью тех научных трудов, которые изменили мнение академических кругов в пользу более скромной роли правительства.

Второе важное событие в карьере Барро произошло в 1980-х годах, когда область макроэкономики сама сделала крутой поворот. Приблизительно с середины 1940-х годов и до середины 1980-х годов макроэкономическая наука в основном была сосредоточена на понимании причин временных колебаний в доходах, связанных с деловыми циклами. В течение этих десятилетий вопросы, касающиеся того, что вызывает рост доходов (хотя и с разными темпами в разные десятилетия), или почему существуют столь большие различия в доходах между странами, не были в центре внимания. Однако вновь вдохновленные идеями, исходящими из Чикагского университета, в середине 1980-х годов экономисты обратились к этим вопросам. Барро был в ряду первых из них и написал два «хита», которые, по словам главного экономиста МВФ Саймона

Джонсона, еще одного выдающегося ученого в области изучения экономического роста, «воспламенили» эмпирические исследования на эту тему.

Постройте — и они придут

Идея, которая легла в основу первого «хита» Барро по вопросам экономического роста, — статьи, вышедшей в 1991 году в здании «Quarterly Journal of Economics», — была поразительно простой. Он составил набор данных по доходам почти 100 стран за период с 1960 года. Он также сличил эти данные по длинному перечню переменных, которые, по мнению ученых, влияют на рост доходов. В этот перечень входили показатели посещаемости школ (замещающий показатель для того, что экономисты называют «человеческим капиталом»), частных инвестиций и размера и характера государственной деятельности. В него также вошли показатели, с помощью которых измерялись экономическая система, созданные правительством искажения на рынках и политическая нестабильность.

Барро изучил статистические связи между ростом доходов и переменными в этом перечне. Он обнаружил, что «бед-

ные страны обычно начинают догонять богатые страны, если они обладают большим человеческим капиталом, ... но не наоборот». Он также обнаружил, что государственные инвестиции не являются большим стимулом экономического роста, а другие государственные расходы в действительности уменьшают ресурсы, способствующие росту. Политическая нестабильность и искажения на рынке обычно ведут к снижению темпов экономического роста.

Между наборами данных и учеными существует простая связь: постройте набор данных — и ученые придут к нему. Именно это случилось с набором данных, который построил Барро, — он привлек макроэкономистов к изучению экономического роста. Составленный им длинный перечень возможных детерминант стал известен в научных трудах, последовавших за его статьей 1991 года, как «переменные Барро». Не все выводы, сделанные в его статье, оказались одинаково верными. Но, как отметил Джонсон, то, что сделал Барро, было важно для создания эмпирической основы для всех тех научных работ, которые в противном случае могли бы затеряться в «теоретической стратосфере».

В действительности, работа Барро, посвященная экономическому росту, была столь существенной, что молодые тридцатилетние экономисты скорее знают его по трудам, написанным в 1990-х годах, чем по его более ранним работам, посвященным деловым циклам.

Попробуй, догони

Главный вывод, содержащийся в другом «хите» Барро по вопросам экономического роста, — статья, написанной в соавторстве с Хавьером Сала-и-Мartiном и вышедшей в 1992 году в издании «Journal of Political Economy», — в действительности столь хорошо выдержал испытание временем, что его коллега по Гарвардскому университету Лари Саммерс назвал его «железным правилом конвергенции». Как и в случае со статьей Барро 1991 года, идея была проста и заключалась в привнесении новых данных: хитрость в этот раз состояла в использовании данных по регионам внутри стран. Преимущество этого подхода заключалось в том, что многие «переменные Барро» вполне могли быть приняты одинаковыми для всех регионов внутри страны: например, экономическая система или показатели политической нестабильности.

Освободившись от необходимости измерения этих переменных, можно было уделить больше внимания одному конкретному вопросу: догоняют ли бедные регионы более богатые регионы? В случае Соединенных Штатов ответ был положительным. После Гражданской войны в США южные штаты были в целом более бедными, чем северные штаты. Однако Барро и Сала-и-Мартин показали, что приблизительно за 100 лет после 1880 года штаты, которые изначально были беднее, росли более быстрыми темпами. Они догоняли более богатые штаты, или — на жаргоне экономистов — происходила «конвергенция». Скорость, с которой бедные штаты догоняли богатые штаты, однако, не была высокой — всего порядка двух-трех процентов в год.

Эта оценка побудила Барро выступить с предупреждением на страницах газеты «The Wall Street Journal» в 1991 году против надежд на то, что доходы в Восточной Германии быстро сравняются с доходами в Западной Германии после воссоединения страны. «Силы конвергенции, в конечном итоге, преобладают», — писал он. — Но нельзя надеяться даже на какое-то подобие паритета между восточными и западными районами Германии в краткосрочной перспективе». На деле, после первоначального скачка рост производительности в Восточной Германии затормозился приблизительно на уровне 75 процентов от уровня производитель-

ности в Западной Германии, несмотря на все попытки правительства ускорить процесс.

В богатстве и бедности

В своих научных статьях и комментариях в «The Wall Street Journal» и «Business Week» Барро продолжал изучать вопрос о том, почему одни страны являются богатыми, а другие — бедными. Согласно Барро, данные указывают на то, что бедные страны способны повысить свои доходы путем обеспечения прав собственности, укрепления главенства права и создания свободных внутренних рынков, а также открытия экономики для международной торговли. Способствуют этому также макроэкономическая стабильность и инвестиции в образование, здравоохранение и некоторые виды инфраструктуры.

Не помогает то, что Барро называет «мягкой» политикой: содействие демократии, образование, предназначенное специально для женщин, и защита окружающей среды; ликвидация неравенства в доходах; содействие гражданским организациям и увеличение социального капитала. Как Барро отмечал в своем сборнике статей от 2002 года «Nothing Is Sacred», не все разделяют его взгляды. «Присуждение Нобелевской премии 1998 года в области экономики моему коллеге Амартиэ Сену было сочтено некоторыми комментаторами как одобрение более мягкого пути к развитию», — писал он.

Однако, признавая то, что «для многих людей эти мягкие меры политики являются неотъемлемо желаемыми целями», Барро остается верным своим принципам, отмечая, что его убеждения зиждятся на его детальном исследовании того, обеспечивают ли эти мягкие меры дальнейшее увеличение доходов. Действительно, в последние годы Барро и его жена Рейчел Макклири, которая также является профессором Гарвардского университета, провели одно из наиболее детальных исследований того, как религия — на настоящее время, возможно, главный «мягкий» фактор — влияет на рост доходов (см. вставку).

Пусть будет так

Учитывая тональность работ Барро по вопросам экономического роста, не удивительно, что он считает, как он сам указал в своем сборнике статей от 1996 года «Getting It Right», что

Может ли религия ускорить экономический рост?

Социолог Макс Вебер, как известно, утверждал, что религия может влиять на экономические показатели, оказывая воздействие на характер индивидуума, например, на отношение к работе. Барро и Макклири подвергли эту точку зрения жесткой проверке. Как и в случае предыдущих работ Барро, посвященных экономическому росту, особенностью этого исследования является скрупулезная работа по сбору нового набора данных, в частности, данных о религиозных верованиях и посещениях формальных религиозных служб, взятых из шести международных обследований, охватывающих порядка пятидесяти стран.

Барро и Макклири делают вывод о том, что страны, в которых люди придерживаются более твердых религиозных верований, на что указывает более сильная вера в рай и ад, добиваются более высокого экономического роста, что согласуется с тезисами Вебера. Однако после того как было учтено воздействие религиозных верований на экономический рост, более широкое посещение формальных религиозных служб приводит к уменьшению роста. Таким образом, посещение служб важно, пока оно влияет на верования, но за рамками этого оно отнимает время и ресурсы, которые могли бы способствовать экономическому росту.

правительство должно выполнять только ограниченное число функций для содействия росту. Он пишет, что, будучи студентом Калифорнийского технологического института, он был либералом: «Я не сомневался в том, что решение любой возникавшей социальной проблемы включало вмешательство правительства». Но теперь он думает совершенно иначе, называя себя «либертарианцем (или классическим либералом), нежели консерватором или республиканцем».

В соответствии со своими либертарианскими идеями Барро полагает, что ключевая функция правительства заключается в «определении и защите прав собственности». Другая деятельность правительства может включать «гарантирование (но не создание) базового уровня образования, обеспечение минимальной системы социальной защиты и участие в узком диапазоне инвестиций в инфраструктуру, такую как автодороги и аэропорты». Расширение государственного контроля над экономикой за рамками этих функций, по его словам, наносит ущерб экономическому росту.

Барро считает, что опыт Китая (благодаря сотрудничеству с одним из университетов Китая он достаточно часто посещает эту страну) подтверждает его взгляды. Опыт страны при коммунизме является «свидетельством того, сколь сильно правительство может испортить состояние дел», когда оно пытается влиять на все аспекты экономики. Однако теперь, как он говорит, он поражен «весьма капиталистической и деловой» позицией государственных чиновников и многих людей, с которыми он встречается. «У одного из университетов даже стоит памятник Адаму Смиту. Если бы мы попытались поставить его у Гарвардского университета, это вызвало бы массовые протесты», — шутит он.

Либертарианские взгляды Барро, вероятно, также частично объясняют, почему в отличие от многих других известных макроэкономистов он не стал видным консультантом по экономической политике правительства США или какой-либо другой страны. Он говорит, что трудно быть «популярным у правительства», пропагандируя отмирание многих из его функций. В любом случае, — как он честно признает в своей книге «Nothing Is Sacred», — он не был особенно влиятельным в те редкие эпизоды, когда он работал консультантом какого-либо правительства. В одной из статей в этой книге он рассказывает о том, как его срочно вызвали в Москву летом 1998 года из Кейп-Кода, где он проводил отпуск; его совет правительству России ввести механизм валютного управления не был принят. Не восприняло его советы и правительство Южной Кореи, которому он рекомендовал принять доллар в качестве своей валюты и перестать сопротивляться иностранному владению банками страны.

«Бесплатных денег» не бывает

Барро заслужил бы репутацию выдающегося макроэкономиста и без своих работ 1990-х годов по вопросам экономического роста. В 1970-х годах и в начале 1980-х годов он уже вызвал шум своими работами, в которых он утверждал, что правительства должны позволить колебаниям в доходах выравниваться самостоятельно.

Труды Барро явились частью так называемой революции рациональных ожиданий, вытеснив доминировавшую в то время кейнсианскую точку зрения, согласно которой правительства должны активно использовать меры макроэкономической политики для управления деловыми циклами. В 1960-е годы вера в способность правительств управлять ими достигла апогея и поддерживалась, как представлялось, стабильной статистической зависимостью, известной как кривая Филлипа. Опыт 1960-х годов подсказывал, что правительства могут обеспечить людей работой (уменьшить уро-

вень безработицы) путем простого печатания денег (повышения темпов инфляции). На жаргоне экономистов кривая Филлипса, как представлялось, означала, что денежно-кредитная политика может оказывать реальное воздействие.

Для консервативных экономистов, таких как Милтон Фридман, кривая Филлипса не имела никакого смысла: получалось, что правительства могут достигать чего-то реально — создавать рабочие места, — делая нечто такое, что почти ничего не стоит, — печатая деньги. Это было похоже на то, будто можно сделать людей выше, измеряя их рост в сантиметрах вместо дюймов. В то время Фридмана высмеяли за его мнение, но, как говорит Барро, «даже до того, как я покинул Гарвард летом 1968 года, я понял, что нападки на Милтона были беспочвенны и продиктованы завистью».

Вдохновленный работами Фридмана, а также Роберта Лукаса, который тоже работал в Чикагском университете, Барро написал статью, которая вышла в «American Economic Review» в 1977 году и в которой он приводил свидетельства того, что активистская денежно-кредитная политика вела к уменьшению безработицы в США только в тех случаях, когда центральным банкам удавалось удивить людей тем объемом инфляции, которую они намеревались создать. В развитие этой статьи он написал еще две работы в соавторстве с Дэвидом Гордоном, выпускником Чикагского университета, в настоящее время работающим в Клемсонском университете. В первой работе было показано, что, когда люди понимают, что центральные банки, возможно, готовятся их удивить, в обществе возникает неправильное равновесие: инфляция оказывается чрезмерной, а безработица — не ниже, чем она была бы в противном случае. Во второй работе описывался выход из этого неправильного равновесия. Если бы центральный банк мог принять правило, определяющее его поведение, инфляция была бы меньшей, чем в отсутствие такого правила. Центральный банк по-прежнему испытывал бы стимул к созданию неожиданной инфляции, но этот стимул сдерживался бы угрозой потери доверия.

Работы, написанные Барро и Гордоном, явились частью движения, которое изменило поведение центральных банков. Современные центральные банки скорее будут следовать правилам, которые удерживают их от создания чрезмерной инфляции, с тем чтобы сохранить доверие к себе как к борцам с инфляцией. И многие — отнюдь не стремясь удивить людей своими целями в области инфляции, — скорее будут иметь в настоящее время либо прямой, либо косвенный целевой показатель инфляции.

Вы должно быть шутите, господин Барро!

Критике основ кейнсианской денежно-кредитной политики, подвергнутых Барро совместно с группой других выдающихся макроэкономистов, предшествовала критика кейнсианской налогово-бюджетной политики, но она была предпринята им в одиночку. Кейнс также придерживался концепции активизма в отношении налогово-бюджетной политики: правительства должны использовать бюджетный дефицит для сглаживания колебаний в частных доходах. Когда частная экономика приостанавливается, правительства должны пытаться повысить частные расходы путем увеличения бюджетного дефицита, который должен финансироваться заимствованиями, а не повышением налогов.

В работе, опубликованной в 1974 году в «Journal of Political Economy», Барро доказывал, что выбор финансирования, будь то заимствование или повышение налогов, не имеет значения. Если правительство заимствовало средства для оплаты дефицита, люди понимали, что оно должно будет повысить налоги в будущем, чтобы оплатить долг. Поэтому люди просто уве-

личат свои сбережения сегодня, чтобы иметь возможность оплатить такие будущие налоги. Попытки правительства увеличить частные расходы путем собственного заимствования, таким образом, будут сведены на нет. Но что произойдет, если эти будущие налоги будут по сути переложены на будущие поколения? Не станут ли люди сегодня ощущать себя богаче благодаря заимствованиям правительства? «Не станут, — заявил Барро в своей работе, — если нынешнее поколение озабочено не только собственными расходами, но и тем, что смогут расходовать их дети. Если люди беспокоятся за своих детей, они просто будут сберегать больше средств, чтобы оставить им дополнительные деньги на оплату будущих налогов. Правительству вновь не удастся заставить современное поколение тратить больше за счет бюджетного дефицита».

Доводы Барро были встречены недоверием. Как было написано в статье «Schools Brief», вышедшей в 1990 году в журнале «The Economist», «идея бесконечно обращенного в будущее альтруистичного родителя выглядит сумасшедшей. Вначале даже экономисты почти в открытую смеялись». Однако со временем модель Барро стала стандартной, и даже его критики были вынуждены использовать ее в качестве отправной точки для своих моделей. «The Economist» в заключение писал, что в результате воздействия, оказанного работами Барро, «мало кто ожидает от активистской налогово-бюджетной политики тех результатов, которых они ожидали ранее».

«Хиты» продолжаются?

Роберт Кинг из Бостонского университета, бывший коллега Барро, назвал его «самым влиятельным прикладным макроэкономистом своего поколения», но отметил в интервью Ф&Р, что его влияние проистекает не из какой-либо одной определенной теории, а из того обстоятельства, что «практически в любой крупной области экономической науки приходится спорничать с работами, написанными Барро».

В последние годы Барро работает над поиском решения давней головоломки в области макроэкономики и финансов — так называемой загадки премии на акционерный капитал, как именуют тот факт, что исторически акции приносят значительно больший доход, чем государственные облигации. Безусловно, определенная разница в доходах объясняется тем обстоятельством, что акции — рискованнее облигаций. Однако разница является столь высокой, что степень уклонения от риска со стороны инвесторов должна быть такой, что экономисты считают ее маловероятной. Однако Барро утверждает, что такие редкие катастрофы, как Великая депрессия или события 9 сентября, даже несмотря на то что они являются событиями низкой вероятности, могут поддерживать спрос инвесторов на такие безопасные активы, как государственные облигации, на достаточно высоком уровне относительно акций.

Независимо от того, займет ли эта работа еще одну строку в «хит-параде», нет сомнений в том, что Барро будет продолжать стремиться к этому. В одной из статей за 1999 год, опубликованной в сборнике «Nothing Is Sacred», он писал, что «никогда не понимал, зачем уходить в зените славы», и удивлялся тому, что бейсболист команды «New York Yankees» Джо Димаджио оставил спорт в 1951 году, а «Битлз» и «Саймон и Гарфункель» распались, когда достигли пика славы. Результатом явилось то, что общество лишилось многих прекрасных, если не лучших их выступлений». Многочисленные поклонники Барро будут рады его невysказанному обещанию того, что, по крайней мере, в его случае «хиты» продолжатся. ■

Пракаш Лунгани — начальник отдела в Департаменте внешних связей МВФ.